Шкурка времени

Гусляр-2000 - 1

Кир Булычев

SHOUT
SHARE
IT

- Кир Булычев
-

Кир Булычев

Шкурка времени

(Гусляр-2000)

Лев Христофорович пригласил к себе Удалова на чашку кофе. Ксения не разрешала Корнелию Ивановичу пить настоящий крепкий кофе, к которому он пристрастился за время своих космических странствий, полагала его вредным для удаловского сердца, а Минц сам был кофейным любителем, умел выбирать, молоть, обжаривать и варить в старинных армянских турках такой напиток, что его запахом пропитывался весь дом, и жильцы - кто с завистью, а кто с негодованием - нюхали воздух и покачивали головами. Впрочем, любой из обитателей дома № 16 по Пушкинской улице мог заглянуть к Минцу на чашечку, если тот, конечно, не был занят изобретательством или научно-теоретическими размышлениями. Но Минц большую часть суток был занят.

Старые друзья пили кофе маленькими глотками, чтобы лучше прочувствовать, и запивали его из бокалов добрым французским коньяком, присланным профессору из Сорбонны, где он в прошлом году делал доклад, а заодно походя решил проблему протекавших крыш старинного университета, окружив их силовым полем. Вот и благодарили его коллеги, не забывали.

– Странно, - произнес Корнелий Иванович, - я тут под Новый год купил французского коньяку, в такой же почти бутылке, только золота было больше на этикетке. А вкус оказался хуже, чем у трех звездочек мелитопольского розлива.

– Ничего странного в этом нет, - возразил профессор. - Типичный пример несоответствия вывески и содержания.

– Это грустно, - сказал Удалов, - всю жизнь я с этим сталкиваюсь. Еще на пионерской линейке рапортовал, помню, о сборе двух тонн макулатуры, а было ее три кило. Помню, такая была добрая девочка, Ириной звали… - Удалов вздохнул и задумался.

– Ты о ком, Корнелий? - спросил Минц.

– Это во втором классе было. Я ей все фантики отдал. И марки потом тоже. А когда была контрольная по арифметике, она списать не дала.

– Обидно, - согласился Минц. - Очень обидно. Печенья хочешь?

– Нет, не хочу. У меня в школе и другие печальные случаи были.

– Какой период жизни для тебя ярче всего стоит в памяти? - спросил Минц.

– Школьные годы, особенно школьные каникулы, - без колебания ответил Удалов.

– Я так и думал, - согласился Минц. - А вот о себе я этого не скажу. Не знаю, не помню, не участвовал…

Они помолчали. Когда ты сжился с человеком, сблизился с ним, пережил немало приключений, то можно посидеть молча, это не мешает общению.

– Как мы можем разбираться в других людях, - неожиданно для себя сказал Удалов, - если сами себя не знаем.

– Правильно, - ответил Минц. - Потому что наш облик вовсе не отвечает внутреннему содержанию. Об этом писали еще древние. Я старался решить эту задачу, ответить на вызов, который мне бросила природа, но понапрасну. Ты же знаешь…

Удалов кивнул. Он понял, что Минц имеет в виду свое последнее не совсем удачное, хотя и гениальное изобретение. Лев Христофорович изготовил мазь, которой можно было покрыть зеркало. И тогда зеркало отражало не видимость, не зрительный образ человека, а его истинную сущность. Однако это изобретение имело недостаток: ведь состояние человеческой души непрестанно меняется. Сейчас вы дьявол, потому что общаетесь со своим начальником, а через две минуты - вы сущий ангел, так как увидели его секретаршу Ларису.

В зеркале Минца один и тот же человек мог последовательно увидеть десять своих лиц и рож, в зависимости от обстоятельств.

– Ты же знаешь, - повторил Минц, - что нельзя упрощать обыкновенного человека, нашего с тобой современника. Он многообразен.

– Вот я - точно многообразен, - согласился Удалов.

Они еще помолчали.

– Жизнь слишком быстро проходит, - продолжал Удалов. - Если в отпуске или командировке, то еще терпимо. Но если в будние дни, то просто катастрофически несется.

Кофе чуть остыл, но не потерял насыщенности и сочного вкуса. Удалов пил его маленькими глотками, а Минц смотрел на друга и покачивал головой, как китайский болванчик.

– Порой мне легче увидеть то, что было сорок лет назад, тогда как прошлогоднее забывается. И я задаю вопрос небу: «Кто я такой? Сколько прожил на Земле? Сколько мне еще суждено

прожить?» - размышлял вслух Лев Христофорович.

Пожилой кот Мурзик, который приходил к Минцу через форточку подкрепиться или подремать на коврике у плиты, уставши слушать разговор стариков, стал играть с катушкой ниток.

– И он туда же, - вздохнул Удалов. - Как будто котенок. Тоже не заметил, как жизнь пролетела мимо. А ты говоришь - люди себя знают.

– Я не говорил такого. Я повторяю, что наблюдаю видимость людей, маски. Мои попытки сорвать маски и увидеть истинные лица моих сограждан пока не приносили результата.

– А ты подумай, Лев, - попросил Удалов. - Изобрети что-нибудь. А то совсем старый станешь, истратишься. - Удалов улыбнулся.

– Сколько тебе лет? - спросил Минц.

– Я уже на пенсии.

– Трудно поверить, - сказал Минц. - Трудно поверить…

И словно отключился, словно забыл, что в гостях у него сидит дорогой друг и давнишний сосед. Но Удалов не обиделся. Он знал момент начала творческого процесса в профессоре Минце. Не раз его наблюдал. Теперь, пока изобретение не совершится, профессора лучше не трогать. Бесполезно. Он находится в ином мире, в мире буйного воображения и трезвых математических расчетов…

Удалов собрал чашки, вымыл их на кухне, попрощался, на что Минц кивнул головой, словно заметил уход друга.

***

У Минца был один верный способ внедрять свои изобретения в жизнь. Для этого надо было забраться на колокольню церкви Параскевы Пятницы и, если нужно, опылить или обрызгать город чем следует. И тогда в Великом Гусляре начинались очередные волшебные изменения.

– Пойдем побрызгаем, - говорил Минц в таком случае своему верному Удалову, а Корнелий в ответ спрашивал:

– А жертв среди мирного населения не будет?

– Пока не будет, - заявил Минц. Он отвечал за последствия эксперимента, но никогда не брал на себя ответственность за последствия последствий.

Стоял нежный осенний день, словно мороз-террорист,

намеревавшийся совершить революцию в природе, позволил еще несколько дней пожить в квартире милой и робкой старушке, которая нежно опускала на землю золотые листья кленов и тянула, поддерживая дыханием, тонкие осенние паутинки. Небо над колокольней в тот день было сиреневым, чистым и хрупким, гудок речного пароходика от пристани показался Корнелию трубным гласом оленя. Канистра с очередным зельем, снабженная распылителем, стояла на перилах колокольни.

– Так что же мы сегодня сеем? - спросил Корнелий Иванович.

– Помнишь наш вчерашний разговор? - произнес Минц.

Последний разговор между друзьями состоялся больше недели назад, но, как известно, в глазах Минца время - фактор крайне относительный. Видно, неделя показалась ему несколькими часами.

– Помню.

– Ты задел во мне больную струну.

Минц проверил, хорошо ли работает пульверизатор, прозрачное облачко вещества вырвалось из него и улетело вдаль.

– Ты открыл мне глаза, насколько бессмысленно я провел жизнь, если при моих гениальных способностях так и не смог решить главную задачу науки - как открыть истинного человека? Каков он? Не в тот момент, когда поглядел в зеркало, не в тот момент, когда ссорится с женой или подает доллар нищему. Нет! Я хочу, чтобы с человека слезла привычная шкура и мы увидели его голеньким!

С этими словами Минц сильно нажал на рычаг, и вскоре невесомая кисея окутала весь город.

– Надеюсь, ты не в прямом смысле? - спросил Удалов.

– Не понял!

– Надеюсь, не в смысле всех раздеть, как в банный день!

– Одежды спадут сами! - туманно воскликнул Минц.

***

Опустевшую канистру Удалов донес до дома. По дороге он спросил:

– Уже начало действовать?

– Начнет в ближайшем будущем.

Удалову показалось, что в голове у него что-то стрекочет. Он сообщил профессору о стрекотании, выясняя, не результат ли это опыления.

– Пускай стрекочет, - сказал Минц равнодушно.

По улице шли люди. Все были такими же, как прежде, и в основном знакомыми. Никаких перемен в них не наблюдалось.

– Утром, - пообещал Минц на прощание. - Утром сам поймешь.

Ксения встретила мужа сердито - почему надо ждать его к обеду? Тут пришла Маргарита, невестка, жена Максима. Привела младшего Максимку. Отношения Удалова с невесткой были прохладными, на грани холодной войны. Это происходило от того, что Маргарита была серьезным образованным человеком, который попал в мещанскую семью. За мещанство сильно попадало Максиму, доставалась толика презрения Корнелию Ивановичу. Только Ксению Маргарита не смела презирать, потому что с Ксенией такие номера не проходили. Тут живо вернешься в общежитие речного техникума, откуда взял себе невесту Максим Удалов, плененный ею на стадионе, где крепкая брюнетка стала призером района по толканию ядра.

Вскоре пришел и Максим, который второй год работал парикмахером, перейдя на заочный. А что будешь делать, если надо воспитывать ребенка в лицее, чтобы он не стал мещанином?

Удалов хотел было поцеловать внука, но тот знал, кто правит домом, и уклонился от поцелуя.

– Твои поцелуи отдают пошлостью, - заметил он.

Удалову стало горько. Он понял, что, несмотря на определенный авторитет в Галактике, он с годами потерял в семье остатки прежнего значения и скоро ему уже будут ставить миску с едой в углу, рядом с кошачьим блюдцем.

– Подучили, - догадался Удалов.

– Я сам, - возразил Максимка. - Я сам подслушал, как мама говорила.

Вошел усталый Максим Корнельевич. От него пахло одеколоном. Начался обед. Удалов оглядывал свою семью и думал: «Скоро я распознаю вашу истинную сущность. Не ведаю еще, каким образом, но Минц свое дело знает. Он снимет с вас шкуры».

И тут же Удалова охватила жалость. Нельзя вот так, без предупреждения, раздевать родственников. Удалов откашлялся и хрипло произнес:

– Минц проводит опыт.

Маргарита, конечно же, только наморщила крупный нос, свела поближе к переносице черные брови - она Минца знала мало, лишь по рассказам мужа, и ни одному слову в них не верила. Но Максим с Ксенией встревожились.

– Что еще дядя Лева задумал? - спросил Максим, с детства

испытывавший пиетет перед Львом Христофоровичем.

– Опять какую-нибудь дрянь? - заранее возмутилась Ксения, которой казалось, что Минц когда-то чуть было не разрушил ее семейное счастье. Она уже не помнила, при каких обстоятельствах это случилось и почему ее семья все же пережила кризис, но Минц для нее был отрицательным раздражителем. Что не мешало ей бегать к нему, когда дома возникали проблемы, которые не решить без нового открытия в физике.

– Лев Христофорович решил показать нас, какие мы есть, - сказал Удалов.

– В каком смысле? - удивилась Ксения.

– Сам не знаю, - признался Корнелий, - только знаю, что опыт уже произведен, препарат рассеян над городом, и мы его вдохнули. Так что к утру все будет понятно.

– Что будет? - угрожающим голосом произнесла Маргарита, поднимая над столом массивную фигуру и сдвигая черные брови. - Травить будете?

– Да не бойся, Марго, - вмешался Максим. - Дядя Лева, может, и ошибается, но сознательно еще никого не отравил.

– Ух, сионист татарский! - выдохнула Маргарита придуманное или подслушанное проклятие.

После этого она направилась к телевизору - начинался первый из ее обычных вечерних сериалов.

Удалов пошел спать с тревогой на сердце. Все в жизни непредсказуемо! И стареющий Минц, и толстеющая Марго, и глупейшие приятели. Жизнь пролетела… Где она? И что продемонстрирует она завтра?

***

Похожее с Удаловым уже было…

Много лет назад. Ему уже приходилось временно превращаться в мальчика. Сейчас было иначе.

Удалов проснулся от странного, свежего и счастливого чувства внутренней гармонии. Не открывая глаз, он уже понял, что в нем все прекрасно - и мысли, и дела, и тело.

Удалов потянулся, но не достал ногами до спинки кровати, что раньше всегда ему удавалось. Что-то мешало ему открыть глаза - словно он попал в лесу в большую паутину и теперь должен ее с себя стряхнуть.

С легким шорохом почти невесомая оболочка слезла,

разрываясь, с Удалова, он отбросил ее и открыл глаза.

Привычное округлое пятно на протекшем потолке приветствовало его, как каждое утро. Рядом тяжело дышала Ксения. Солнце бросало косые лучи бабьего лета в окно, в лучах плавали пылинки. Жужжала поздняя муха… Солнце лишь всходило.

Ксения спала, отвернувшись от Корнелия, он видел ее округлую спину в ночной рубашке и крашеные волосы с сединой у корней. Собственная рука попала в поле зрения Корнелия Ивановича, и он сначала поразился перемене, происшедшей в ней, а потом решил не удивляться: рука была не очень толстой, мальчишеской, покрытой редким пушком и уж никак не седеющим волосяным покровом, как у вчерашнего Корнелия.

Он провел ладонью по животу. Живот, выпуклый все последние десятилетия, оказался впалым.

Осторожно, чтобы не разбудить Ксению, Удалов опустил детские ноги с кровати и ступил в шлепанцы. Пижамные штаны сразу свалились на пол, и пришлось идти в ванную, придерживая их рукой.

Удалов обратил внимание на тонкую, прозрачную шкурку, валявшуюся рядом с кроватью. Каким-то шестым чувством он понял, что это - его собственная шкурка. Сбросив ее подобно змее, он помолодел.

В ванной Удалов стал смотреть в зеркало. Он себя узнал. С поправкой на много лет. Сейчас Удалову было лет двенадцать-тринадцать. Скорее отрок, чем подросток. Романтически настроенный, лохматый, голубоглазый, круглолицый Корнюша, добрая душа. Вот мы какой, Корнелий! Добро пожаловать!

Умываясь, Корнелий рассуждал о том, что его превращение - без сомнения, следствие эксперимента - опыления, в котором он сам вчера принимал участие. Неясно только, зачем надо было молодить Корнелия на столько лет, если ты хочешь докопаться до сути людей нашего города. Что-то неладно! Опять Минц ошибся.

Корнелий Иванович натянул брюки, завернул их снизу, затянул ремень на последнюю дырку. Ботинки болтались на ногах, но шнурки, намотанные на щиколотки, держали их. Пришлось закатать рукава рубашки.

Совершая туалет, Корнелий продолжал ломать голову над причинами превращения. Тревоги, правда, не было, потому что он знал: если будет плохо, Минц всегда изобретет антивещество, которое снимет отрицательный эффект. А впрочем, Корнелию и не хотелось пока возвращаться в прежний облик, потому что в нем жило ощущение гармонии. …Ксения продрала глаза и сидела в постели, пытаясь очистить себя от невесомой шкурки - своего

прежнего облика. Сейчас она, хоть и изменилась, скинула с себя лет десять, все равно оставалась узнаваемой. Ну ладно, стала помоложе, покрепче, позлее. А так мы наблюдаем прежнюю жену - несчастье всей жизни. Вот американцы или москвичи, подумал Удалов, умеют же подобрать себе жен из красивых, длинноногих, а главное, покорных и интеллигентных женщин. А вот в Великом Гусляре таких жен почти нет, а если и есть, то давно разобраны иногородними.

– Ты чего! - крикнула Ксения с осуждением. - Ты с ума сошел, что ли? Опять за свои штучки взялся?

– Ксения, - сказал Удалов ломким детским голосом, - возьми себя в руки. Зачем-то нас изменили. И я думаю, что скоро Лев Христофорович зайдет и даст разъяснения.

– Как так изменили? Всех изменили или опять тебя, горемычного, морскую свинку, макаку-резуса изменили?

– Ты тоже помолодела, - заметил Удалов, и его жена, как только поняла, что он сказал, опрометью кинулась в ванную - смотреться в зеркало.

Не успела закрыться за Ксенией дверь, как распахнулась другая - в комнату молодых. И тут Корнелий испытал удивление, которого не испытывал давно. Из комнаты вышли три человека: пожилая женщина грузного вида и брюнетного облика, по бровям которой можно было узнать Маргариту. За ней несмело брели двое: мальчик лет десяти, в котором Удалов узнал сына Максима, и сердце его дрогнуло от отцовских чувств, а также карлик без возраста, но с бородкой - повзрослевший внук Максимка.

– Какой телефон милиции? - басом спросила Марго.

Не успел Удалов ответить, как его сын бросился к нему на грудь.

– Папа! - кричал он. - Папочка! Какое счастье, что мы с тобой теперь одинаковые! Ты меня от нее защитишь!

А внук, который так и не вырос, остановился в дверях, сунул палец в рот и замер в такой позе.

– Что все это значит? - спросила Ксения, выходя из ванной и обозревая преобразившееся семейство.

– Сейчас узнаю! - откликнулся Удалов и прежде, чем его успели остановить, кинулся прочь из квартиры, чуть не сбив по пути старика Ложкина, который в трусах и майке спешил вниз, на улицу, чтобы совершить пробежку. Он каждое утро совершал пробег до набережной и обратно.

– Ты кто такой? - спросил он мальчишку, пробежавшего мимо. - Ты зачем в наш дом залез? Воруешь?

– Не до тебя, Николай Иванович! - откликнулся мальчишка и принялся барабанить в дверь к Минцу.

Изнутри долго не открывали, и раньше открылась соседняя дверь к Саше Грубину. Из нее выглянул подросток Саша с пышной шевелюрой.

Саша все сразу понял и сказал:

– Заходи, Корнелий. Дело серьезнее, чем ты предполагаешь.

Корнелий покорно прошел к Грубину, волоча большие ботинки.

– Я все знаю, - сказал подросток Грубин. - Я тебя узнал, и ты меня тоже?

– Да, Саша, я тебя тоже узнал, но считаю, что пора будить Минца.

– Не надо будить Минца, - ответил Грубин. - Он спит. Он всю ночь со мной проговорил, а потом я его спать уложил.

– Тогда ты мне, может, объяснишь? Как друг!

– Я тебе объясню. Мысль у Минца была простая. Он хотел открыть истинные лица жителей Великого Гусляра. Истинные. Он хотел понять, что же таится за фасадом каждого из нас. Но, как всегда, при гениальности эксперимента имела место непродуманность концепции. Средство Минца действует лишь на физиологическую сторону наших организмов.

– Говори яснее, Саша!

– Куда уж яснее. Каждый человек с возрастом вступает в противоречие с самим собой. Один всю жизнь прожил, состарился, а на самом деле у него сохраняется душа или внутреннее содержание мальчишки. А другой родился уже стариком, хотя на вид он младенец. Из-за противоречия между формальным возрастом человека и возрастом истинным происходят различные внутренние конфликты, и некоторые лица даже сходят с ума.

– Значит, какой тебе возраст задан…

– Генетически задан!

– Какой возраст задан, такое у тебя и поведение?

– Вот именно! Человечество давно уже заметило это противоречие. В народном фольклоре это отмечено, в песнях и пословицах осмеяно. Вспомни: «Седина в бороду, бес в ребро», «Маленькая собачка - до старости щенок».

– «Как волка ни корми, он все в лес смотрит!» - дополнил фольклор Корнелий Иванович.

Грубин поднял бровь, но спорить не стал. А Удалов продолжил:

– Значит, пока мы спали, с нас слезла шкурка…

– С тебя тоже?

– Разумеется. А под ней, как под шкурой змеи, оказались мы, в полном соответствии со своим истинным возрастом… - Удалов

согнал с лица счастливую улыбку и спросил: - Только все не так просто. Ты знаешь, сколько лет Ксении?

– Могу догадаться, - ответил Грубин. - Она должна быть женщиной пожилой. Она так и родилась пожилой женщиной.

Удалов кивнул.

– Но хуже всего с Марго, - сказал он.

– Маргарита должна быть в вашей семье самой старшей, - сказал наблюдательный Грубин.

– Вот именно.

Дверь распахнулась - в нее влетел удаловский сынишка Максим.

– Папочка! - закричал он. - Меня Марго бьет!

– Это еще почему? - взъярился Удалов, но не успел броситься к двери, как в проеме показалась грузная немолодая Маргарита, держащая на согнутой руке своего старообразного сына.

– Я звонила в милицию! - сообщила она. - Я их всех разгоню!

– И что в милиции?

Марго хотела было игнорировать вопрос незнакомого юноши, но язык помимо ее воли сказал:

– Там черт-те знает что! К телефону мальчишка подошел и велел мне катиться куда подальше. Мальчишка!

– Не исключено, - заметил Грубин. - Ведь это случилось со всем городом.

– Надо будить Минца и останавливать, - предложил Удалов. - Ты же понимаешь, какие могут быть недоразумения!

– Погоди, - ушел от ответа Грубин. - Может быть, мы того… поглядим, погуляем. Ведь уникальный случай. Когда ты еще своих знакомых встретишь в их истинном возрасте и облике?

Удалов понял, что Саша говорит дело. Проверяет, есть ли у соседа любопытство или уже исчерпалось.

***

Максимка увязался за взрослыми, в которых никто бы и не признал взрослых, и втроем они отправились в утренний город, пораженный в самое сердце открытием самого себя.

Это был счастливый город, хотя далеко не каждый сообразил бы, что это именно так, потому что некоторые люди передвигались по улицам с проклятиями и сопротивлением судьбе. И это неудивительно: ведь когда вам откроют глаза на вашу истинную суть, это совсем не значит, что вы будете

счастливы. С самим собой еще надо сжиться, свыкнуться, а может, и примириться.

Встревоженные происходящими в себе переменами, гуслярцы вышли на улицы, словно было Первое мая.

Удалов почему-то думал, что город большей частью постареет, но оказалось наоборот. Можно было подумать, что они попали не на площадь Землепроходцев, а во двор городской школы - столько детей всевозможного возраста, одетых странно и нелепо, в кое-как подобранных одеждах со взрослого плеча, ходили, бегали, перекликались, узнавали друг дружку, как вернувшиеся после каникул сорванцы, хотя каникулы для многих протянулись на десятки лет.

Кое-где валялись шкурки людей.

По улице бежал толстый мальчик, подгоняя перед собой футбольный кожимитовый мяч. «Господи, так этим мячом мы выиграли у шестого «Б»!» - сообразил Удалов и закричал:

– Савич, пасуй сюда!

А толстый Савич даже завопил от радости, что встретил одноклассника, спутника по самым сладким временам их жизни. Он пасанул Корню, а Корень отбросил мяч Сашке Версте, но тут на площадь вбежала юная, рано расцветшая красотка Ванда, по которой сох весь десятый класс второй школы. Ванда казалась лет на десять старше Савича, но при виде мужа, гоняющего мяч по площади Землепроходцев, она ринулась к нему и схватила за руку.

– Ты с ума сошел! - закричала она с нежностью. - Разве не понимаешь, что на тебя люди смотрят?

Сын и отец Удаловы, а также Грубин продолжали, увлекшись, гонять мяч, забыв, зачем они сюда пришли. Но мало кто обращал на них внимание. А Ванда Казимировна, вчера еще директор универмага, гладила по головке любимого малолетнего мужа.

– Атас! - раздался чей-то детский крик. - Спасайся кто может!

Из-за угла Гостиного двора выскочил мальчонка - от горшка два вершка, в полковничьем кителе, который волочился за ним по земле, стуча карманами по голым ногам. В руках мальчонка держал автомат Калашникова и трата-та-такал языком, изображая бой. Вдруг мальчишка кинулся к колоннам Гостиного двора, а следом за ним на площадь вбежал другой паренек, чуть постарше. У него тоже был в руках автомат. И он из него стрелял по-настоящему - пули отбивали куски штукатурки.

Народ кинулся с площади, некоторые залегли за колоннами или кустами.

– Кто это? - спросил Удалов.

– Не узнал? - ответил Грубин. - Это же наш полковник

Остапюк из ДОСААФ, или как там он теперь называется!

– А другой?

– Другой - полковник Исмаилов, военком. У него автомат с дыркой в стволе, чтобы учащиеся друг дружку не перестреляли. А вот досаафовец настоящую пушку достал.

– Неужто такие ответственные офицеры на деле тоже дети? - ужаснулся Удалов.

– Странно рассуждаешь, - ответил Грубин. - Как раз в армию чаще всего идут те, кто не может никак из детства вылезти, школьные хулиганы.

– А мы с тобой?

– А мы с тобой - школьные романтики.

Стрельба на площади утихла, но спокойствие не вернулось.

Снова пробежал мальчишка с предупреждающим криком.

Издали, из центра города, шло нечто грозное.

Уже видна была черная стена людей, перекрывшая всю улицу. Над толпой реяли красные флаги.

– Коммунисты идут! - закричала Ванда Казимировна и потащила домой Никитку Савича.

Другие жены, которые, как правило, оказались втрое старше своих мужей, тоже поволокли их с площади. Но Грубин и Удаловы остались в числе зрителей - Марго и Ксения их еще не отыскали.

Все ближе подходила колонна. Над ней реяли стяги. Из глоток вырывался Гимн Советского Союза.

Все эти люди были как на подбор семидесятилетние, крепкие, седые мускулистые старики и старухи. Те, кто с портретами Сталина, - постарше, а те, кто с портретами Ленина, - чуть помоложе.

И разновозрастное разрозненное население Великого Гусляра понимало, что настал миг прозрения.

Колонна коммунистов ступила на площадь.

Удалов узнавал среди этих суровых и неподкупных людей своих сверстников из стройуправления, из бывшего райкома комсомола и горкома партии, узнавал пенсионеров городского и даже областного значения, но самое удивительное, что и Максимка узнавал и показывал отцу своих сверстников и даже младших товарищей по речному техникуму. Сейчас все они пребывали в расцвете старческих сил и были едины в суровости - пришел их час! В мире мальчишек и юнцов они хозяева!

– Срочно! - проговорил Грубин. - Срочно домой! Надо сказать Минцу.

– Правильно! - Удалов первым помчался к дому. Грубин с сыном - за ним.

По мере того как они приближались к дому, бег Грубина терял уверенность, ноги все более заплетались, а перед воротами юноша и вовсе остановился.

– Что случилось? - спросил Удалов.

– Понимаете, ребята, - сказал Саша, - вы сейчас только не удивляйтесь… Я совсем забыл… Может быть, положение наше не такое уж и хорошее…

Удалову чудилось, что шаги колонны коммунистов уже настигают его, как какого-то распутника - шаги Командора.

– А что с дядей Левой? - догадался спросить Максимка.

– Сейчас увидишь.

Грубин открыл дверь.

В тот момент, когда решалась судьба демократии в Великом Гусляре, обнаружилось, что попавший под каток собственного эксперимента Минц превратился в пятилетнего карапуза, довольного собой, доедающего остатки килограммового торта, который сам Минц купил на той неделе к приезду своего кузена из Монтевидео, да забыл в морозилке.

Толстый мальчик хрустел замороженным тортом, когда в комнату ворвались юные соседи.

– Лев Христофорович! - крикнул с порога Грубин. - Эксперимент надо отменить.

Лев Христофорович отлично узнал соседей и, несмотря на столь нежный возраст, отдавал себе отчет в происходящем, но ответил решительно:

– Нет, нет и еще раз нет!

– Почему же, Лев Христофорович?

– Почему, дядя Лева? - взмолился Максимка.

– Потому что торт очень вкусный, - ответил гений.

И Минц продолжил вгрызаться в торт.

За окном раздался шум.

Удалов кинулся к окну, потом метнулся обратно, подхватил мальчика Минца, который все хрустел ледяным тортом, поднес к окну и прикрикнул на него:

– Любуйся, что ты наделал!

По Пушкинской шел небольшой - шесть в ряд, три ряда - патруль усатых седовласых ветеранов. Каждый нес по красному флагу. Перед некоторыми воротами они останавливались, вешали на ворота красное знамя и рисовали красную звезду. Перед другими домами они флагов не вешали, зато ставили на воротах черный крест.

– Скоро, - сказал Удалов, - начнется красный террор. Вы этого хотели?

– До ночи много времени, - капризничал Минц. - Когда торт

доем, тогда поговорим.

Малыш попытался вырваться и вернуться к торту, но Удалов не отпускал его.

– Расколдовывай город! - кричал он на Минца. - С меня хватит!

Неизвестно, чем кончилась бы борьба между обжорой Левочкой и его соседями, но тут в комнату вошли две грузные пожилые женщины.

– А ну по домам! - приказали они своим мужьям.

И после короткой схватки на сцене остались лишь Грубин с Минцем.

– Видишь, - сказал Грубин, - для этих мальчишек достаточно старых жен. А для нашего города достаточно старых ветеранов.

– Откуда их столько? - спросил мальчик, все еще обкусывая торт.

– В сердцах сидели, в душах, - сказал Грубин.

Минц оторвался на секунду от торта и сказал:

– Послушай, Саша, давай уйдем с тобой отсюда! В лес, в Вологду. Ты меня в детский сад сдашь, и я буду каждый день добавку компота получать.

Грубин смотрел в окно. На дом № 16 флаг не повесили. Зато на воротах поставили крест.

Правда, красный флаг высунулся из открытого окна второго этажа - его вывесил пенсионер Ложкин.

– Когда на ликвидацию придете, - крикнул он старикам, - сначала ко мне постучите. Я вас по нужным квартирам проведу.

– Спасибо, товарищ! - отозвались с улицы.

– Ну теперь вы поняли, что тортов больше не будет? - спросил Грубин у маленького профессора.

За окном послышался шум мотора. Грубин снова выглянул наружу.

На этот раз он был искренне изумлен, потому что на улицу въехал и теперь тормозил перед его домом старый - времен Первой мировой войны - броневик. Броневик остановился и повернул в сторону окон Минца башенку с пулеметом.

С помощью товарищей на броневик взобрался ветеран с бородкой клинышком.

– Друзья! - закричал он. - Соратники! Ни для кого не секрет, товарищи, где свили гнездо наймиты запада, масоны и демократы всех мастей! Один раз им удалось развалить Советский Союз! Во второй раз мы сами их развалим.

Ветеран упал с броневика, потому что был очень стар. Но башня броневика пришла в движение и со зловещим скрипом принялась поворачиваться в сторону дома № 16.

Этот звук мгновенно развеял детские настроения профессора Минца.

– Эксперимент провалился, - сообщил он. - Подсади меня, Саша.

Лев Христофорович указал на пульверизатор, который стоял на верхней полке.

Грубин кинулся было за стулом, но опоздал.

Броневик выпустил по окнам пулеметную очередь.

Звеня и лопаясь, полетели на пол пробирки и склянки. Грубин упал в лужу химикалиев, прикрыв телом малыша Минца. С потолка сыпалась штукатурка.

– Демократов на плаху! - радостно кричали с улицы ветераны.

– Что будем делать? - спросил Грубин.

– Ума не приложу, - ответил Минц, выбираясь из-под товарища. - Вся надежда на то, что мое средство скоро выдохнется. А пока, может, укроемся в детском саду?

– Нет ничего глупее, - ответил Саша. - По детским садам они и будут в первую очередь демократов искать.

Шум на улице утихал.

– Слушай, - сказал мальчик Минц, - а что, если нам пойти на площадь погонять в футбол.

– Но власть в городе перейдет в руки ветеранов!

– Им этого хочется, а нам с тобой чего хочется?

– Мне лично… - Грубин вдруг покраснел.

– Не стесняйся, - попросил Минц.

– Мне бы сейчас на улицу! Я бы гильзы собирал!

– А дальше?

– Я бы их в металлолом сдал.

– А дальше?

– Получил бы много денег.

– А дальше?

– Купил бы десять порций мороженого…

Минц помолчал, переваривая идею. А потом громко сказал:

– Жизнь продолжается! Почему бы нам с тобой не прожить ее еще раз при коммунизме? Когда мороженое было дешевым…

И пригибаясь, чтобы не попасть под случайную пулю, мальчики побежали на улицу собирать гильзы.